

бой сил» перед главным замыслом, который был воплощен в одном из лучших романов советской эпохи — «Своим чередом».

Первый вариант романа был создан в 1977, в тайге, при керосиновой лампе, за 2 зимних месяца. Впоследствии П. неоднократно переделывала роман, в т. ч. и по требованию цензуры. Рукопись 8 лет кочевала по редакциям столичных изд-в («Современник», «Советский писатель») и ж. («Наш современник», «Роман-газ.»), но была опубликована лишь в Челябинске в «эпоху гласности» — в 1986. Т. Набатникова сразу отметила своеобразие этого произведения: «Роман „Своим чередом“ стоит особняком не только среди книг Прокопьевой, но и в текущей литературе этого жанра... Писательница успешно преодолела привычный канон — вместо традиционного патетического героизма мы встречаем здесь героизм трагический. Многие победы в этом романе хочется не столько отпраздновать, сколько оплакать» (Набатникова Т. Задумываясь над прошлым // Лит. Россия. 1987. 13 марта).

Роман — эпическое полотно, повествующее о раскулачивании, индустриализации, предвоенных репрессиях и тыловой жизни в большом промышленном городе в годы великого военного противостояния. В центре повествования кузнец, а впоследствии инженер, организатор производства Нил Краюхин и его «народ» — мужики, бабы, дети из сибирских сел, всего 310 человек. Сначала они оказываются в тайге, куда их вывезли валить лес — без жилья, продовольствия, инструмента, затем их перебрасывают на строительство тракторного гиганта на голом в буквальном смысле месте.

События, происходящие и в основанной «переселенцами поневоле» д. Бедеяво, и в городе, и в большой стране, не излагаются в хронологической последовательности, а появляются в романе синхронно. П. показывает мир сквозь особую «линзу», где видно сразу все — и прошлое, и настоящее, и будущее.

По сравнению с «Вечным зовом» А. Иванова или «Строговыми» Г. Маркова в романе П. не только отсутствует какая бы то ни было «лакировка», но появляется совершенно иная «точка видения» автора. Несмотря на драматизм и глубину страданий изображенных людей роман можно назвать жизнеутверждающим. Сила жизни, соединенная с силой любви и силой рода, народа (в романе есть историческая параллель с далеким «скифским» прошлым), умноженная на силу веры (в атеистическое советское время П. со-

здала замечательный образ священника, отца Сидора) способна воистину творить чудеса, — в этом его основная идея. Роман трудно назвать реалистическим произведением — в нем причудливо переплелись и традиции русских сказок и бажовских сказов, и элементы «индустриального романа», и мотивы, присущие прозе «деревенщиков». Но при такой разноплановости и широте «Своим чередом», тем не менее, оставляет ощущение цельности. Не случайно, что к этому произведению все чаще и чаще обращаются совр. критики. М. Солнцева, размышляя о нынешнем состоянии уральской лит-ры, призывает не забывать «оригинальный, глубокий, пронзительный роман Зои Прокопьевой „Своим чередом“» (Книжная полка Марии Солнцевой // Российский писатель. 2001. № 22. С. 15).

В начале 2000-х П. работает над романом о Николае Вавилове.

Соч.: Лиوشка: рассказы. Челябинск, 1971; Такая длинная ночь: проза. Челябинск, 1973; Розовая птица: Повести, рассказы. 1974; Белая мель: повести. М., 1976; Таловая сторона: повести. Челябинск, 1977; Ведьмин круг: Повести и рассказы. М., 1985; Своим чередом: роман. Челябинск, 1986.

Лит.: Ткаченко П. Верь лучшему в людях // Вечерний Челябинск. 1971. 19 февр.; Бондина Л. Вечные нелады с вечной темой // Лит. газ. 1974. 2 окт.; Петров С. Шаг вперед и... в сторону // Вечерний Челябинск. 1974. 20 нояб.; Шепелева Л. Исследование нравственного чувства. О творчестве Зои Прокопьевой // Каменный пояс: Лит.-худож. и общественно-политический сб. Челябинск, 1978. С. 248–255; Кожухова О., Цыбин А., Курбатов В. О творчестве Зои Прокопьевой // Челябинский рабочий. 1986. 26 янв.; Шепелева Л. В мире героев Зои Прокопьевой. Каменный пояс. Лит.-худож. и общественно-политический сб. Челябинск, 1986. С. 211–221; Чивилихин В. Зеркало души. М., 1987. С. 330; Сычева Л. Какие русские нужны России? // Лит. Россия. 2002. № 24.

Л. А. Сычева

ПРОКОФЬЕВ Александр Андреевич [19.11 (2.12).1900, с. Кобона Петербургской губ. — 18.9.1971, Ленинград] — поэт.

Родился в семье ладожского крестьянина-рыбака. Отец, вернувшись с действительной военной службы в унтер-офицерском звании, работал на лесопильном заводе и рыбачил. «Я был старшим, — писал П. в автобиографии (1948), — и поэтому, как водится в крестьянстве, рано встал на трудовую дорогу. В 9 лет я уже крестьянствовал». В автобиографическом очерке «О себе» (1964) П. отмечал:

А. А. Прокофьев

«Отец мой любил читать, любил песню. „Коробушку“, „Хорошо было детинушке“, „Варяга“, „Ермака“ и даже „Не бил барабан перед смутным полком“ я услышал от отца». Мать тоже любила петь. В сельскую школу П. поступил в 1907, там же пристрастился к чтению, к школьным годам относятся и первые стихотворные опыты П. В 1913 «по большому конкурсу» П. поступил в Петроградскую учительскую семинарию, окончить которую ему не удалось (ушел из 4-го класса) по семейным обстоятельствам: отец был призван в армию, и П., как старший в семье, стал полноправным хозяином «немудреного, да еще пошатнувшегося, крестьянского хозяйства» («О себе»). В 1918 П. и его отец вступают в волостной комитет сочувствующих большевикам. Через год П. по партийной мобилизации уходит на фронт воевать против армии генерала Юденича, которая стояла под Петроградом, попадает в плен, откуда ему удалось бежать. В 1920 П. окончил Учительский ин-т Красной Армии, стал политработником. С 1921 по 1922 П. — военный цензор. С 1922 по 1930 — сотрудник полномочного представительства ВЧК—ОГПУ в Ленинградском военном округе; янв.—апр. 1930 — секретарь редакции газ. «Крестьянская правда по радио» в Ленинградском радиоцентре; апр.—окт. 1930 — секретарь управления Гос. народным домом; дек. 1939 — март 1940 — корреспондент газ. «Героический поход» 9-й армии. В годы Великой Отечественной войны (июль 1941 — авг. 1945) — военный корреспондент

Политуправления Ленинградского, Волховского и Заполярного фронтов. В 1945–48 и 1955–65 — первый секретарь правления Ленинградской писательской организации.

В юношеских стихах П. (1916) (не публиковавшихся при жизни поэта) звучит мотив противопоставления города («мрачного и скучного») деревне, которая, по словам автора, готового слиться с крестьянской землей, «просто рай. / Богатство, нищета — / Все мизерно, невзрачно, / И кажется — ложись и умирай...» (СС. Т. 1. С. 392). Первая публикация П. состоялась 13 июля 1919 в местной газ. «Новолодожская коммуна» — стихи **«На могиле героя»**, в которых уже чувствуется поэтический почерк будущего П.: взаимодействие разных лексических пластов — высокого и просторечного («ясна, прозрачна небес лазурь» — «А живоглотам придет „каюк“»); яркость красок, запахов, неожиданность метафор («И под напором пурпурных льдин / Враги бежали...»). С этого времени П. — постоянный автор «Новолодожской коммуны», где впоследствии будут печататься Д. Бедный, И. Садофьев, В. Князев, Я. Бердников, Н. Клюев и др. Социальная определенность, бескомпромиссность П. видны как из названий стихов (**«Читайте газету»**, **«Пролетарская поэзия»**, **«Новому исполкому»**, все — 1919), так и из псевдонимов П. (Ладожский, Красный рыбак, Александр Рабочий, Дед Ермил, Мобилизованный новолодожец А. Прокофьев).

С 1922 П. живет в Петрограде. В 1923 П. «нашел Пролеткульт», где в лит. студии, руководимой А. П. Крайским, стал овладевать поэтической техникой. С 1923 по 1927 П. почти не публикует своих стихов, сам он так говорил об этом периоде: «У меня отсутствовала вовсе поэтическая культура. Я считал, что стихи можно писать залпом, авось что-нибудь и выйдет. У меня не было чутья ни к слову, ни к ритму, ни к теме, ни к образу. Слова умирали в моих стихах, как говорится, на ходу» («О себе»). Между тем это было время активного творческого становления П. В стихах тех лет явно ощутимо влияние таких несхожих поэтов, как А. Блок и С. Есенин, Д. Бедный и В. Маяковский. По-своему обобщая их опыт, П. в своих стих. приходит к своеобразному синтезу тем и мотивов, которые связаны в читательском сознании с этими именами. Ранний П. ищет поэтические средства прежде всего для воплощения образа своего героя — вчерашнего красноармейца, матроса, крестьянского парня, покидающего родные места. При этом поэт рисует трудность перехода от

деревенской жизни к городской; пейзаж помогает в стихах П. передать переживания героя: «Я пришел от вытянутых Ладог / И, преодолев тоску и боль, / Принял я цветы электрорадауд / В глаз, окрашенный под гоноболь» («Уход», 1925). В эти же годы П. находит свой лад и интонацию, свой характерный синтаксис: едва ли не в каждом стих. встречаются эмфатические конструкции: «(Раньше — гирька или нож, / И в любую драку гожи!) / И не жалко мне развязывать / Старых дум тяжелей тюк... / Девочки голубоглазые, / Тютю!» («Уход»).

Особой вехой в творческой биографии поэта стал 1927, когда в «Комсомольской правде» были опубликованы «Песни о Ладоге» (4 из 6 написанных). «Песни о Ладоге», как отмечал впоследствии П., стали для него началом «радостной творческой работы». Поэт наконец нашел то, что искал, — тему родной ладожской деревни. В отличие от новокрестьянских поэтов в стихах П. (как позже у А. Твардовского) не было идиллической грусти по уходящей деревне, наоборот, он восхищается ее силой, удалью (в чем-то анархической) своих героев: «Мы, рядовые парни (Сосновые кражи), / Ломали в Красной Армии / Отчаянную жизнь» («Третья песня о Ладоге»). Более того, в первых редакциях были строки, говорящие о притязании лирического героя П. на мировое господство: «Чтобы греметь над Римом, / Над Лондоном греметь. / И каждый парень — Разин: (Иначе не суметь), / Чтоб прогреметь над Азией, / В Америке греметь» (Другие редакции и варианты // Стихотворения и поэмы. С. 829). «Песни о Ладоге» стали своеобразным прологом не только к вышедшим в 1931 нескольким сб. П. («Полдень», «Улица Красных Зорь» (2 изд.), «Сотворение мира. Избранные стихи» и «Победа»), но и широким вхождением П. в лит-ру (стихи его появляются в ж. «Залп», «Ленинград», «Звезда», «Резец», в альм. «Земля и фабрика» и др. периодических изд.). Принятие революции, уверенность в правоте дела, отстаиваемого с оружием на фронтах Гражданской войны и послереволюционной действительности у П. были безоговорочными, яростными и на редкость беспощадными («Октябрь», 1930; «Два разговора с С. П. Быковым», 1930 и др.). В стихах П. начала 1930-х отсутствует рефлексия, полутона: «...ненависть ставь сначала, а после веди любовь» («Разговор по душам», 1930).

С начала 1930-х поэзия П. развивается в основном в двух жанровых направлениях — лирике и балладе (границы которых в поэзии

тех лет, впрочем, весьма условны). Лирика П., как правило, развивала темы родного Приладожья, поэт смело осваивает фольклорные традиции. Особое место П. уделяет зачину стих.: пейзажно-психологическая зарисовка чаще всего разывается прямой речью. Лексика П. наполнена самыми разнообразными слоями живого языка («Шли над морем буревестники», 1930; «Ой, какая звонкая погода...», 1930; «Одиночество», 1932; «Здесь тишина. Возьми ее и трагай...», 1933 и др.). П. в лирике стремится к моментальности, своего рода кинематографичности. Сюжет, даже в балладе, играет второстепенную роль: все внимание автора направлено на смену психологических рядов — «кадров» («Смерть пулеметчика Евлампия Бачурина», 1931; «Бой под Белоречком», 1931; «Измена Енборисова и Каюкова», 1931), где основное эмоциональное воздействие заложено в проклятии изменникам: «Будьте прокляты псы — Енборисов и Каюков! / В это самое время / Мы зубами скрипели от злости, / Расстреляли заложников. / Разработали план отступления вновь / (Жаба вас родила / На каком-нибудь старом погосте. / Медноглазая жаба, у которой зеленая кровь!..)». В «Повести о двух братьях» (1932), которая не понравилась М. Горькому за «гиперболизм» (см. об этом: СС. Т. 4. С. 362, 443), П. удалось показать не только ненависть и противостояние сторон в Гражданской войне, но и трагедию семьи; финальная сцена посвящена матери, потерявшей на войне обоих сыновей, идущей в слезах по поленному полю.

Рядом с Н. Тихоновым, Н. Асеевым, Б. Корниловым и даже П. Васильевым П. действительно наиболее гиперболичен, совершенно непредсказуем в ассоциациях, наиболее субъективен в романтическом изображении революции. Традиции Маяковского, особенно сильно которым он следовал в 1930-е, наполнили мн. лирико-патетические монологи П. (Маяковскому П. посвятил стихи «Смерть поэта», 1931; «Слово Владимиру Маяковскому», 1931). П. коснулся в своей поэзии темы коллективизации внешне, этнографически (стихотворный очерк «Вступление в колхоз», 1933; из книги «Временник», 1934, и др.). Сб. стихов «Дорога через мост» (1933), «Прямые стихи» (1936) и др., включая обобщающую книгу «Стихотворения» (1938), показывают эпическую сторону худож. дарования П. (как это часто наблюдается с поэтами, вышедшими «от земли», начиная с Н. Клюева

и Есенина до П. Васильева и Твардовского). Однако эпос П. в отличие от старших современников и ровесников более интуитивен. Самодостаточный в лирико-революционных стихах и романтических балладах («**Перечень профессий**», 1931–32; «**Революция**», 1931; «**Три песни о Громобое**», «**Матрос в Октябре**», 1933; «**Баллада о трех храбрых парнях**», 1933) эпический характер стихов, тяготеющий к поэчному воплощению, находил свое место в сборниках, центристически стягивающих отдельные произведения в некое целое. П. приветствует вхождение новых, советских, реалий в устоявшуюся систему деревенского мира, но при этом вековое поглощает новое: «черноглазый, краснозвездный, молодой командир», пригрезившийся девушке, приобретает в лирике П. своего рода «палеховские», олеографические черты, что вполне соответствовало народным представлениям. Вместе с тем П. иронически подмечает вхождение этого «нового»: «Как во нашей во деревне, / Возмужалый от побед, / В голубом поповском доме / Заседает сельсовет» («**Как во нашей во деревне**», 1933).

В 1930-е П. приходит к песенному творчеству. И хотя элементы лирической песни, частушки сопутствовали всей его поэзии, с середины 1930-х поэт усиленно обращается к этому жанру в «чистом виде» («**Плясовая**», 1934; «**Песенка Тони**», 1934; «**Походная песня геологов**», 1934; «**Коль жить да любить — все печали растают**», 1937, и др.). В 1937 выходит сб. П. «**Песни**». К творчеству П. обращались композиторы В. Соловьев-Седой, Д. Прицкер, Ю. Левитан, Э. Денисов, Г. Свиридов, С. Прокофьев. Одно из «программных» стих. П. 1930-х «**Товарищ**» (1930), положенное на музыку О. Ивановым, стало популярной песней.

Выход сб. «**В защиту влюбленных**» (1939) ознаменовал своего рода итог достигнутого П. в предвоенное десятилетие. К этому времени стихи П. стали строже, классичнее. Яркость красок, ритмическое разнообразие становятся сдержаннее, усиливается психологизм в лирическом восприятии мира. Показателен весьма строгий отбор автором произведений в этой книге. Одним из вершинных стих. книги (и в творчестве поэта в целом) стал цикл «**Сольвейг**» (1939), по-своему развивающий блоковские традиции («Кармен»).

1939–45 ознаменовали новый этап в творчестве поэта. В период советско-финляндской войны П. создает несколько десят-

ков песен, частушек, лирических стих., стихотворных фельетонов, подписей к сатирическим рисункам. В отличие от стихов о Гражданской войне с их метафорической неожиданностью, интонационным разнообразием стихи периода финской кампании не стали большой удачей поэта: в них превалировала агитационная направленность («**Споемте, ребята**», 1939; «**Береги комиссара в бою**», 1939; «**Мы закончили со славой героический поход**», 1940). В содружестве с А. Сурковым и А. Безыменским П. пишет ряд стихотворных фельетонов, подписанных именем Васи Гранаткина — «родственника» Васи Теркина (см.: Твардовский А. Т. Как был написан «Василий Теркин» (Ответ читателям) // Твардовский А. Т. СС: в 6 т. М., 1980. Т. 5. С. 103–107).

В годы Великой Отечественной войны вышли сб. П. «**За Родину**» (1941), «**Огонь**» (1942), «**Таран**» (1942), «**Атака**» (1943), «**Гармонь**» (1943), «**Фронтовые стихи**» (1943) и др., проникнутые верой в победу и ненавистью к врагу; в них П. обращается к национальной преемственности, неразрывности отечественной истории: «гром Бородино», «свет немеркнувшей Полтавы», «Измаила гром» — «**Песня**» (1942). Стих. «**Встань, ненависть, тебя поем**» (1942) по силе чувства созвучно строкам К. Симонова «Если дорог тебе твой дом». Военная публицистика П. в прозе была издана в двух книжках карманного формата — «**Разгромить врага под Ленинградом**» (1941) и «**Дмитрий Донской**» (1942). Так же как и в период финской войны, П. работает в жанре стихотворного фельетона (цикл «**Говорит Вася Теркин**», в котором принимал участие П., в газ. «На страже Родины»).

Поэма «**Россия**» (1943–44) (Сталинская премия — 1946) стала одним из самых ярких произведений советской лит-ры военных лет. Так же как и А. Твардовский, автор «Книги про бойца», П. публикует ее главы в периодике (газ. «Отважный воин», «Ленинградская правда», «Красная звезда», «На страже Родины», ж. «Звезда», «Ленинград» и др.). Герои поэмы — братья Шумовы, минометный расчет, прославившийся на Ленинградском фронте. С Шумовыми поэт познакомился в мае 1943. Поэтическая структура «России» скорее относится к плотно сведенному автором лирическому циклу, объединившему 30 стих., каждое из которых вполне могло бы жить самостоятельной жизнью (что впоследствии и было сделано П. в сб. «**Стихотворения**», 1954; «**Заречье**», 1955; «**Лирика**», 1956; «**Хороши малыши**», 1963, и др.).

Написанные разными стихотворными размерами, стихи эти тем не менее воспринимаются как единое поэзное целое в силу символического обобщения образов героев и образа самой Родины. Лирическое звучание мирных мотивов векового величия России стало основной замысла этого произведения: «Да на ветке соловей, / Да без счету версточка, / Да отважных сыновей / На погонах звездочки!» В лирических же поэмах, построенных по опыту «России» («Сад», 1948; «Юность», 1954), П. не удалось достичь того худож. обобщения, которым была отмечена поэма «Россия».

С новой силой лиризм П. раскрылся в сравнительно небольших по объему стих. 1945, в которых (как это было в поэме «Россия») соединились песенность и философичность («Там, где многу куст любой опознан», «На гвардейский корпус пал наш выбор...», «В заречной долине, на старом дорог перекрестке...», «У края дороги, от милых подружек в сторонке...» и др.). Впервые к П. приходит элегическое ощущение краткости бытия — изменения в природе чутко схватываются поэтом, становятся сокровенной страницей лирического дневника. В лучших стихах этого времени свойственный П. оптимизм ненадолго уступает место мотивам неясной грусти и тревоги: «Вдали гроза, а здесь еще в покое...», «Пал первый снег. Его не ждали доли...».

Послевоенная действительность, впрочем, без намека на трагические противоречия нашла свое отражение в сб. П. «Заречье» (1955, 1957), «Лирика» (1956), «Признания» (1957). Итальянские впечатления (после поездки группы советских писателей в эту страну) легли в основу цикла «Яблоня над морем» (1958). Во второй половине 1950-х выходят книжки П. для детей: «Днем весенним» (1956), «Шел кот-скараход» (1956), «Синички-невелички» (1958), «Галля-Галинка» (1966). Детские стихи П. отличаются простота композиции, мягкие интонации, юмор и виртуозное использование фольклорных мотивов: «Кот Макар» (1938), «Сказка о том, как котенок стал котом» (1938), «Сказочка для маленьких про комара-комарика» (1939), «Загадки-шутки» (1962), «Еще про жука» (1965).

Новым взлетом таланта П. стала книга «Приглашение к путешествию» (1960) (Ленинская премия — 1961). Создавая обобщенный образ России, П. приглашает своего читателя к путешествию во времени и по неповторимым просторам Родины: «Вы видали

Севера красу? / Костянику ели вы в лесу? / Гоноболь, чернику, землянику, / Ежевику? / Мяли повилику? / Зверобой, трилистник, медуницу?» П. обращается к воспоминаниям детства и юности: «Все хорошо, / Оградно смолоду, / Когда плечам не страшен груз. / Вошла, и губы пахнут холодом, / Дождинкой, сладкою на вкус!» К ритму «Песен о Ладог» возвращает П. читателя в стих. «**Это я прошу иметь в виду**». П. до конца дней остался верен им же высказанной формуле: «Я только то и делаю, что славлю самозабвенно Родину мою».

В стихах последнего десятилетия, вошедших в сб. «Радуга» (1966), «Пристрастия» (1967), «Гроздь» (1967), «Величальная песня России» (1971) и «Звенья» (1972), вышедших после смерти поэта, вновь появляются образы юности: «От отца научился, / Работал он лучше и чище: / Оброни на прокосе иголку — / Отыщешь» («Я умею пахать, и косить, и рыбачить», 1965). В цикле стих. «Годы» (1966) П. снова возвращается к своему ритму конца 1920-х — начала 1930-х: «Я иду, / У всего-то мира на виду / Прохожу — / Солдат и Комиссар — / И кидая вызов небесам». Не забывал П. и тех, кто был когда-то рядом с ним. Так, в стих. «Песня» (1969) П. обращается к П. Васильеву, погибшему в 1937: «Ты потом пошел на Беломорье, / Вешним днем пошел, / После Егорья. / Беломорье — ветер гулевой! / Не один там распростился с головой. Незадолго перед смертью П. пишет стих., ставшее одним из самых совершенных по своей трагической сущности в его творчестве: «А ведь было — / Завивались в кольца волосы мои» (1970).

Большое значение П. как общественный деятель и поэт придавал взаимообщениям русской лит-ры с лит-рами др. народов. П. переводил произведения поэтов Украины и Белоруссии — Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки, Павло Тычины, Максима Рыльского, Владимира Сосюры, Андрея Малышко, Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Танка, Петруся Бровки.

Соч.: СС: в 4 т. Л., 1978–80; Стихотворения и поэмы / вступ. статья Б. И. Соловьева; сост., подгот. текста и примеч. В. В. Базанова и В. В. Бузник. Л., 1976. (Б-ка поэта. Б. серия).

Лит.: Бахтин В. С. Александр Прокофьев. М.; Л., 1963; Шошин В. А. Поэт Александр Прокофьев. Л., 1965; Молдавский Д. М. Александр Прокофьев. Л., 1985; Александр Прокофьев: Вспоминают друзья: сб. Л., 1977; Нестеров А. Сажены для венка сонетов. Л., 1987.

В. А. Прокофьев